

Ключи *судьбы*

**ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ВАЛЕРИИ ВЕРБИНИНОЙ
в серии «Ключи судьбы»:**

Любовно – исторические:

Рыцарь темного солнца
Принцесса морей
Синее на золотом

Сериал

«Амалия — секретный агент императора»:

Отравленная маска
В поисках Леонардо
Леди и одинокий стрелок
Ледяной сфинкс
Письма императора
Путешественник из ниоткуда
Ход Снежной королевы
На службе Его величества
Похититель звезд
Ветреное сердце Femme Fatale
Званный ужин в английском стиле
Заблудившаяся муза
Сапфировая королева
Миллион в воздухе
Золотая всадница
Одна ночь в Венеции
Девушка с синими гортензиями
Аквамаринное танго

Сериал «Агьютанты удачи»:

Агьютанты удачи
Бриллиант Фортуны
Фиалковое зелье

Любовно – криминальные:

Черный нарцисс
Ее любили все
Самый лучший вечер
Разбитое сердце богини
Сиреневый ветер Парижа
Смерть ей не к лицу
Где – то на земле есть рай

Валерия Вербинина

Разбитое сердце
богини

ЭКСМО

Москва 2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
В 31

Оформление серии *Д. Сазонова*

В оформлении обложки использованы фотографии:
Oleg Zhevelev, pukach / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com
и иллюстрации: artemova julia, losw / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Вербинина В.
В 31 Разбитое сердце богини : роман / Валерия Вербинина. — М. : Эксмо, 2014. — 320 с. — (Ключи судьбы).

ISBN 978-5-699-69194-4

Татьяна Стрелицкая любила цветы, кукол и одиночество, а оказалась в самой гуще невероятных событий — она стала свидетельницей убийства Алексея Шарлахова и его охраны. Полиция и отец Алексея уверены: это дело рук неуловимого киллера по прозвищу Ангел Смерти. Шарлахов одержим мыслью найти убийцу сына и воздать ему по заслугам, но как это сделать, если никто не видел лица Ангела Смерти и не знает его имени? А если киллеру станет известно, что есть девушка, которая может его опознать?.. Шарлахов приказал найти Татьяну и привезти к нему в дом. Но его планам заставить преступника выдать себя не суждено было сбыться — после нападения неизвестных Тане пришлось бежать с молодым человеком, приставленным к ней в качестве телохранителя...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Вербинина В., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013
ISBN 978-5-699-69194-4

Все события, разговоры, персонажи и имена в этом романе вымышлены. Любые совпадения и аналогии с реальными людьми и происшествиями являются случайностью.

ПРОЛОГ

Закинув руку за голову, он лежал на диване и выстраивал в податливом воображении карту своего личного рая. Это была далеко не первая карта, которую ему пришлось рисовать в мыслях и мечтах. Самая первая, задвинутая теперь в пыльный закуток чердака памяти, походила больше на фото, чем на карту, — черно-белое фото, какие были в ходу в далекие времена его детства, и представляла его, повзрослевшего и непременно в очках, на фоне полок с книгами. На всех корешках красовалась его фамилия, ему было восемь лет, и он мечтал стать писателем. Его завораживали библиотеки, таинственные тома, в которых могли скрываться любые миры, иногда эти миры были чуждыми, чужими и непонятными, а иногда становились дорогами и близкими, куда ближе, чем скучно-убогая реальная жизнь, которой он жил. Все миры, и далекие и близкие, создавали писатели, и они были такие же люди, как все, но в то же время совсем не такие, и он благоговел

перед ними, потому что краски их фантазии расцвечивали его существование, такое же черно-белое, как фотографии образца 1984 года. Вскоре он узнал, что писателем можно стать, как другие становятся космонавтом, сталеваром или директором продуктового магазина — самая почетная и завидная должность в советские времена с их извечным рефреном дефицита. Но ему не было дела до того, к чему стремятся другие; он уже сделал свой выбор. В ту пору он читал взахлеб все, что попадалось под руку, и исписывал целые тетради беспомощными раздражительными каракулями. Так продолжалось долго, очень долго, а потом он понял, что настоящий талант — крепость, обнесенная высокой стеной, и он стоит снаружи, у запертых ворот, которые никогда не откроются, сколько ни стучись в них. Потому что любовь жестока и мало любить литературу для того, чтобы она ответила тебе взаимностью.

Это открытие перевернуло его душу, да так, что он едва не сломался, но на помощь, как это обычно и случается, пришел внешний мир, где происходили такие потрясения, рядом с которыми его собственные мечты и его стремления потеряли всякое значение. Несколько лет он потратил на грубую, безжалостную борьбу за существование, а когда наконец достиг кое-какой стабильности, то обнаружил, что контуры его рая стерлись и его надо было создавать заново. Впрочем, на этот раз все было гораздо проще. Он уже понял, что счастье — вовсе не абстрактное понятие, а математическое уравнение, слагаемые в котором каждый для себя выбирает сам. В его личном уравнении присутствовали независимость, деньги, как неперемный ее атрибут, и кусок земли в каком-нибудь таком месте, где никогда не падает снег. Мысленно он начертил себе остров, непре-

менно с маяком, море, белый песок и пальмы на берегу. Среди пальм — гамак, над головой квохчут разноцветные попугаи. Теперь карта его рая походила на цветную открытку, на фото из популярного каталога для туристов — красиво до того, что начинает казаться неправдоподобным. И, как это всегда и бывает, мечта разлетелась вдребезги о реальность. По работе, а пару раз и по собственной инициативе он посетил несколько островов и понял, что на самом большом, на самом благодатном из них начинает вскоре страдать клаустрофобией. Ему становилось тесно в замкнутом пространстве острова, и рай мало-помалу ускользал, смещался за его пределы, пока не доходил до финальной точки, до приговора любому раю — «где угодно, только не здесь». Впрочем, море он любил по-прежнему.

Тогда он создал себе новую карту рая: домик на морском берегу. В саду — два дерева, гранатовое и апельсиновое, и непременно фиолетовый вьюнок, который не раз встречался ему на юге Европы. Никаких попугаев, а вот павлины или фламинго — сколько угодно. Особенно белые павлины, которых он любил за их необычный цвет. В них было что-то от белой вороны, а белой вороной он ощущал себя сам, сколько помнил.

За этот образ рая он держался особенно долго — до тех пор, пока не застрял на целых два месяца в прибрежном городке, выслеживая одного человека. Тогда-то он и открыл, что море, в сущности, скучно, а его шум до отвращения однообразен. Ни павлинов, ни фламинго поблизости не было, зато в изобилии водились чайки с истеричными, крикливыми голосами. Снова его рай рассыпался на глазах — но дом, лиловый вьюнок и два дерева, гранатовое и апельсиновое, остались.

Он пытался пристроить их на скале, потом на бере-

гу озера, заросшего кувшинками, затем возле водопада, но все это было не то. И однажды, находясь проездом в унылом городе, где на унылой казенной площади сверкал и извергал струи восхитительный белый фонтан, он понял, чего именно ему не хватает. Его личный рай должен быть организован вокруг фонтана.

Итак, фонтан, дом, вьюнок, гранатовое дерево, апельсиновое и...

Трень, брень, дребедень. Ожил мобильный телефон.

Человек, вырванный из рая, невольно поморщился, но повернул голову и протянул свободную руку к верещащему аппарату.

— Алло.

Именно так, очень спокойно, без знака восклицания в конце.

— Охотник?

Все так же спокойно:

— Ошиблись номером.

Отбой. Дом и фонтан... сад... деревья... Нет, он снова что-то упустил.

Трень!

А, черт!

— Я уже сказал: вы ошиблись.

— Это Ипполит Шарлахов. Мне дали твой номер, я не мог ошибиться.

Он вспомнил этот голос, едва его собеседник произнес: «Охотник». И еще вспомнил — сразу же, — что не любит этого человека. Никакой особой причины для неприязни не было, но Охотник привык доверять тому, что люди обычно именуют интуицией. Интуиция еще ни разу его не подводила.

Он поборол желание выругаться — любые необдуманные слова могли слишком дорого ему обойтись — и произнес все тем же спокойным, размеренным тоном:

— Если вы по делу, я сейчас очень занят.

Чрезвычайно занят — лежит и мечтает, где будет жить, когда окончательно отойдет от дел. В сущности, он уже отошел, так почему бы и не помечтать?

— Я по делу, да.

Голос дрогнул. Нетипично для Ипполита, машинально отметил про себя строитель рая. Совсем нетипично.

— У меня несчастье, Охотник.

Оп-па. Вот так, с ходу. Не проблема, не сложность, не неприятность, а — несчастье. Против воли он почувствовал проблеск любопытства.

— Ты мне нужен. Я заплачу тебе любые деньги, слышишь?

— Все так говорят, — усмехнулся он.

— Я не только говорю. Я делаю. Называй свою сумму, я ее удвою.

Интересно. Похоже, судьба крепко прижала Ипполита, раз он говорит так.

— Я не могу ничего называть, если не знаю вообще, о чем идет речь, — тихо промолвил человек, вырванный из рая.

— Включи новости. Любой канал.

Он не любил новости. Сколько он помнил себя, любые новости всегда приносили с собой элемент разрушения. От них веяло хаосом, а хаос ему, сочинявшему свой собственный крошечный рай, был сейчас совсем не нужен.

— Включил? — настойчиво спросил Шарлахов.

Он сел, взял пульт, щелкнул кнопками, по-прежнему держа сотовый в другой руке. Даже не прижимая динамик к уху, он слышал, как тяжело в трубку дышит его собеседник.

В сущности, едва он осмыслил картинку на экране телевизора, все стало на свои места.

— Следствие предполагает...

Дальше он слушать не стал.

— Я вам сочувствую, — в трубку.

Ни капли он не сочувствовал Ипполиту Шарлахову, по правде говоря. И вообще, это жизнь. Одним больше, одним меньше. Примерно так.

— Я хочу, чтобы ты нашел того, кто это сделал.

Он усмехнулся.

— Насколько я понял, заказчик уже известен. Все в курсе ваших, э, разногласий с этим... товарищем.

— С этим, — дальше последовали слова, по крепости не уступающие хорошему рому, — я сам разберусь. Мне нужен исполнитель. Ты знаешь, кого он нанял?

Понятия он не имел об этом. И вообще, ему было абсолютно все равно. Много лет Ипполит Шарлахов занимался тем, что создавал проблемы другим, и теперь нашелся кто-то, кто сумел задеть его самого за живое. Недалекие люди обычно именуют это возмездием, не понимая, что возмездие, как правило, — это когда на одного мерзавца находится мерзавец еще больший. Впрочем, еще вопрос, считать ли то, о чем вздохнули с экрана журналисты, возмездием. А Шарлахов меж тем продолжал:

— Если бы я сам мог найти исполнителя, то не стал бы к тебе обращаться. Но это...

Имя упало, как камень. Теперь Охотнику стало интересно по-настоящему. Он понял, зачем Ипполит Шарлахов ему позвонил.

На самом деле это был комплимент его способностям. Тем не менее он сказал:

— Это все детские сказки. Я слышал эту легенду.

— Это не легенда! Что ты мне рассказываешь... Как будто ты новости не видел! Будь ты на моем месте...

Еще этого не хватало. Он улыбнулся.

— Нет такого человека, это почти стопудово клич-

ка, которую присваивает себе то один, то другой... специалист.

— Это он! Его манера, его почерк! Ты про охранников забыл? У моего сына была самая лучшая охрана! И все равно Ангел смог их обойти! Положил их, как кроликов! Как зайцев!

Судя по интонации, Шарлахов совершенно не владел собой. Инстинктивно Охотник слегка отодвинулся от трубки, словно брызги слюны от кричащего собеседника могли долететь до него.

— Он всегда устраивает свои дела так, чтобы не было ни одного свидетеля, — негромко промолвил Охотник. — И это еще не все. В Монако на каждом углу камеры наблюдения, но и там он сумел проскочить незамеченным и застрелить того олигарха, помните?

— Возле казино, — угрюмо подтвердил Шарлахов. — Да, помню.

— Всю полицию Лазурного Берега подняли на ноги, в газетах творилось что-то невообразимое, но стрелка так и не нашли. Просмотрели все камеры — абсолютно ничего, за что можно зацепиться.

— К чему ты клонишь?

— Вам должна быть известна моя репутация, раз вы позвонили именно мне. Ну так вот, я говорю вам откровенно: это будет очень долгое и муторное дело. И результат может быть нулевой, раз у нас ничего нет, кроме клички этого стрелка, который не оставляет ни следов, ни свидетелей.

— Мне известно, что ты можешь достать из-под земли любого, Охотник.

Скорее уж зарыть в нее, мысленно ответил человек, чьей профессией была охота за людьми.

— Но насчет того, что у нас ничего нет, ты заблуждаешься. Есть свидетель, точнее свидетельница.

— В самом деле? — изумился Охотник. — Это меняет дело. Что она сказала?

— Вот тут есть маленькая заковыка. — Он словно воочию увидел, как Шарлахов усмехнулся. — Мы совершенно точно знаем, что свидетельница была, но найти ее не можем. Она сбежала. Никита предлагает объявить большую награду за любые сведения об убийстве моего сына и таким образом ее выманить, но...

— Вы правы, — кивнул Охотник. — Набежит толпа людей, которые на самом деле ничего не видели, и будут выдумывать всякую чепуху. Кроме того, такое объявление насторожит киллера, и вы почти наверняка потеряете своего свидетеля.

— Именно поэтому нам нужен ты, — веско промолвил Шарлахов. — Чтобы найти эту бабу, во-первых, и чтобы найти Ангела Смерти, во-вторых.

Он глубоко вздохнул. Рай все еще маячил где-то рядом, но Охотник уже сознавал, что его обустройство придется отложить до лучших времен.

Еще раз. Последний.

Что может быть лучше, чем завершить свою карьеру поимкой суперубийцы, при одном имени которого вздрагивают даже самые матерые волки?

Поймать Ангела Смерти и отправить его к ангелам. Нелегкое задание, и неизвестно, удастся ли ему, Охотнику, с ним справиться. (А было бы легкое, стало бы совсем неинтересно.)

Миг — и рай обратился в дымчатый полупрозрачный мираж и растаял вдали. Ничего, Охотник еще отстроит его. Потом. После того как разберется с этим самоуверенным мерзавцем.

— Хорошо, — сказал он в трубку. — Я согласен.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Судьба стучится в дверь

Ветровое окно брызнуло мелкими осколками. Вновь грянул выстрел, стекло всхлипнуло, вокруг дырки, оставленной пулей, побежали мелкие трещинки, переплетением своим напоминая паутину. И еще раз полыхнуло белым пламенем оружие в руке убийцы, и изнутри на стекло шлепнулся какой-то красный сгусток. Человек, сидевший рядом с водителем, с запозданием пытался достать пистолет, но стрелявший тотчас уловил его движение.

Бах. Бах. Бах.

Те, что находились в машине, больше не двигались. Голова шофера была откинута на спинку сиденья, нижняя челюсть отвисла. Сидящий возле него сполз набок, рука его бессильно упала. Красные сгустки на стекле — теперь их было уже несколько — медленно стекали вниз, оставляя размытый алый след. Шесть стальных пауков закончили плести свою паутину, и часть стекла осыпалась с тихим звоном, похожим на шелест.

Еще несколько человек, убитых и раненных, лежало на ступенях подъезда. Кто-то невнятно стонал, кто-то пытался отползти в сторону. Убийца бегло огляделся, на долю мгновения повернувшись ко мне лицом, вставил новую обойму, подошел и расстрелял в упор тех, кто еще подавал признаки жизни.

...А потом он увидел меня. Это было очень легко, потому что я вдруг оказалась не за деревом, за которым пряталась, а на открытом пространстве, стены домов сами собой отодвинулись, оставив меня одну, совершенно незащищенную. В руках у меня была тяжелая книга, и я уронила ее в лужу.

Убийца нахмурился и сделал шаг ко мне, но в следующее мгновение его ноги приросли к асфальту. Он пытался вырваться, однако асфальт держал его крепко, не давая пошевелиться. Он поднял руку с пистолетом, но тот неожиданно превратился в черную жижу и растекся в его пальцах.

Вдали густой вой полицейской сирены сверлил воздух, стремительно приближаясь. Через мгновение к ней присоединилась еще одна, и их нестройные голоса слились в заунывном, наводящем оторопь со звунии.

Лицо убийцы исказилось яростью, он отшатнулся и стал отступать, на глазах становясь все меньше и меньше. Мне стало ясно, что отныне я могу его не бояться, однако липкий страх все еще бродил где-то рядом, мешая дышать полной грудью.

Листы раскрытой книги, лежавшей в луже, намокли и свернулись. Мне хотелось увидеть, какая картинка была на покрытой водой странице, но в это мгновение я проснулась.

Солнце заливало мою постель. Квартира окнами

выходила на восток, а лишнее тепло промозглой осенью всегда приятно. Я потянулась, зевнула и повернулась на бок. Солнечный луч лег на щеку, приятно лаская кожу.

Встать или подремать еще?

Ну да, чтобы приснился еще один кошмар, мелькнуло в голове.

А вставать тоже не хочется...

А может быть, кошмар больше не приснится? Кто-нибудь когда-нибудь обязательно должен был сказать, что один кошмар никогда не является дважды. Хотя я тут же вспомнила, что этот кошмар навещал меня уже не во второй и даже не в третий раз.

Впрочем, мне уже не хотелось спать. И потом, меня ждала работа.

Вздыхнув, я выбралась из кровати и первым делом задела стопку газет, которая лежала на стуле. Почему на стуле, спросите вы? Потому что на столе она лежать никак не могла. На столе громоздятся обрывки тканей, подушечки с иглами и булавками, распечатки страниц модных журналов столетней давности с фотографиями платьев неземной красоты, наброски выкроек и, самое главное, куклы. На сегодня кукол было семнадцать, и я как раз собиралась купить восемнадцатую, чтобы сшить для нее наряд — копию платья Жана Пату 1936 года, целиком состоящего из тончайших полосок шелковой бахромы. Даже в кукольном формате это была вовсе не легкая задача, несмотря на обманчиво простой фасон.

А еще я хотела попробовать сшить медведя и с мыслью — Жан Пату или медведь? — принялась собирать газеты. В основном это были издания, которые принято называть желтыми, развлекательные ли-